

АНГЛИЯ И РОССИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1787—1791)

А. Станиславская

Столкновение русской дипломатии и Тройственного союза, объединившего в 1788 г. Англию, Пруссию и Голландию, — один из самых интересных, но вместе с тем и наименее изученных эпизодов в истории внешней политики России второй половины XVIII века. Между тем упорная, трудная и увенчавшаяся блестящим успехом дипломатическая война России с Англией и Пруссией заслуживает серьёзного изучения.

Вступая в войну с Турцией, русский царизм лелеял широкие завоевательные планы. Программой-минимум было присоединение к России Крыма, овладение Очаковым и образование из Молдавии, Валахии и Бессарабии независимого государства («Дакии»), возглавляемого преданным России человеком¹.

Блестящие успехи русского оружия на турецком театре военных действий в 1788—1791 гг. давали все основания рассчитывать на осуществление основных пунктов плана Екатерины II на Ближнем Востоке и на Балканах. Победы Суворова при Рымнике, Фокшанах и Измаиле, Ушакова при Фидониси, Тендре, Калиакрии показали полное военное превосходство России над Турцией. Однако из этой исключительно удачной в чисто военном отношении войны Россия вышла с очень незначительными территориальными приобретениями. Екатерине II не удалось осуществить свою широкую завоевательную программу.

Только углублённый анализ международной обстановки, сложившейся в годы второй турецкой войны, и особенно отношений России с Англией и Пруссией может объяснить причины этого парадоксального, на первый взгляд, явления.

Немало внимания этому вопросу уделила зарубежная буржуазная историография, хотя и не дала соответствующей специальной монографии. Следует подчеркнуть, что господствующая в английской историографии концепция, к которой в основном примыкают и немецкие историки (Ф. Люквальд, Ф. Саломон, Д. Герхард), грубо искажает историческую действительность. Так, внешняя политика В. Питта-младшего в 1788—1791 гг., по утверждению его многочисленных биографов-апологетов, имела целью исключительно охрану «европейского равновесия» и защиту слабых стран: Турции, Польши и Швеции — от угрожавшей их существованию России.

В сжатом виде эта концепция содержится уже в сравнительно ранних работах В. Лекки и биографа Питта — Стенгопа. Фундаментальная «История Англии в XVIII столетии»² В. Лекки наряду с подробным освещением внутренней жизни Англии даёт общий, но всё же достаточно полный очерк британской внешней политики в 1787—1791 годах. Целью внешней политики Питта Лекки считает сохранение европейского мира от угрожавших ему тёмных сил. Англия, подчёркивает автор, ради этого вошла в Тройственный союз и в дальнейшем «среди этого лабиринта

¹ См. о греческом проекте Arneht «Joseph. II und Katharina von Russland, ihr Briefwechsel», S. 142—145. Wien. 1869. Сборник РИО. Т. XXVI, стр. 385; «Русская старина» за 1892 г., октябрь, стр. 1—3; Соловьёв «История падения Польши», стр. 107—108. Изд. «Общественная польза».

² Lecky W. «A History of England in the eighteenth century». Vol. V, VI. London. 1918.

противоречивых интересов и интриг упорно трудилась ради умиротворения Европы»³. Полную противоположность миротворческой политике Питта представляла политика Екатерины II — «искусная, честолюбивая и абсолютно беззащитная внешняя политика, давшая императрице полное преобладание» в Северной и Восточной Европе⁴.

Обе характерные для работы Лекки черты — тенденциозно-морализующее противопоставление пацифистской якобы политики Англии и беспринципно-агрессивной политики России и смазывание роли Питта как застрельщика войны весной 1791 г. — нашли дальнейшее развитие в трудах позднейших английских историков.

Наиболее показательна в этом отношении вышедшая в 1911 г. фундаментальная работа известного биографа Питта — Г. Роза «Жизнь Вильяма Питта»⁵. Г. Роза — восторженный апологет Питта, книга его — настоящий гимн прозорливости, политической мудрости и «бескорыстию» его героя. Внешняя политика В. Питта, по мнению Г. Роза, являлась служением высоким принципам справедливости, мира и защиты угнетённых.

Сущность концепции английского историка сводится к тому, что наступательная политика Екатерины II, особенно активизировавшаяся после заключения союза с Австрией, угрожала европейскому равновесию и чуть ли не самому существованию Европы. «Обычно не понимают, как остра была опасность, возникшая благодаря планам Екатерины II и Иосифа II», — многозначительно подчёркивает Г. Роза. Принципиальным борцом с разрушительными тенденциями, проводившимися Екатериной II и Иосифом II, выступил В. Питт, но даже и его «мудрый консерватизм» не смог спасти старый порядок. Екатерину II и Иосифа II консервативный английский историк считает чуть ли не пособниками французской революции: «Поистине французская демократия не могла бы одержать свои быстрые и лёгкие триумфы, если бы монархии Центральной и Восточной Европы не расшатали до основания старый порядок вещей настолько, что даже мудрый консерватизм Питта не смог поддержать историческое здание против атак, которые шли с Востока и с Запада».

Г. Роза энергично подчёркивает, что политика Англии носила оборонительный характер и не преследовала никаких своекорыстных целей: «...великолепная армия Пруссии, опиравшаяся на флот и ресурсы Великобритании и Голландской республики, представляла собой силу, которой в продолжение трёх лет предстояло поддерживать мир и охранять будущее малых государств»⁶. Этот мотив — роль Питта как бескорыстного защитника и покровителя малых стран от русской агрессии — звучит в книге Г. Роза особенно сильно: «При подобных обстоятельствах (речь идёт о кануне Рейхенбаха. — А. С.) было providенциально, что одна великая держава (Англия. — А. С.) стояла на страже международной нравственности... будущее Европы зависело от мудрого консерватизма Питта... Вечно будет служить к его чести, что в это время интриг и насилия он старался обеспечить единство и сохранение малых государств»⁷.

Положения Г. Роза были в основных чертах приняты и повторены рядом последующих историков. Так, вышедшая в 1915 г. книга Лорда «Второй раздел Польши»⁸ при оценке внешней политики Питта также исходит из сделанных Г. Розом выводов. Для Лорда, как и для Г. Роза, Питт — миротворец, принципиальный пацифист, бескорыстный защитник малых наций от агрессии Екатерины II («Великой целью Питта было возвратить мир Европе, сохранить европейское равновесие и защитить

³ Lesky W. Указ. соч., стр. 117, 135.

⁴ Там же, стр. 71, 75.

⁵ Rose H. «Life of William Pitt». London. 1923.

⁶ Там же, стр. 389, 390.

⁷ Там же, стр. 518, 596.

⁸ Lord «The second partition of Poland». Cambridge, Mass. 1915.

более слабые государства от столь агрессивных правителей, как Екатерина и Иосиф»⁹). На той же точке зрения стоит и английский историк Лодж¹⁰.

Теми же идеями проникнута и обобщающая работа английского историка Клепхема, написавшего главу «Первое десятилетие министерства Питта» для фундаментальной «Кембриджской истории британской внешней политики».

Изложенная нами концепция английских историков, провозглашающая Питта умиротворителем Европы, резко противоречит конкретным историческим фактам, свидетельствующим, что весной 1791 г. Питт стремился не только затянуть приближавшуюся уже к концу русско-турецкую войну, но и превратить её в войну общеевропейской коалиции против России, отнюдь не питавшей враждебных Англии намерений.

Фальсификация истинного характера международных отношений 1787—1791 гг. английской историографией обязывает советского историка пересмотреть этот вопрос.

Привлечение не вошедшего в основное донныне в исторический обзор богатого архивного материала даёт возможность разоблачить созданную английскими историками легенду о мнимом «пацифизме» В. Питта.

С нашей точки зрения, военная тревога 1791 г. («Russian Armament» — по терминологии английских историков) была первым проявлением развивавшихся англо-русских противоречий, наложивших свою печать на всю дальнейшую историю международных отношений XIX века.

Развитие капиталистических отношений в Англии обусловило коренные изменения основных направлений её внешней политики и, соответственно, её отношений с Россией. Бурное развитие английской экономики в годы промышленного переворота, превращение Англии в самую передовую в экономическом отношении страну в мире привели в конце 80-х — начале 90-х годов XVIII в. к резкой активизации внешней политики английского правительства и к установлению — на короткий срок — гегемонии Англии в Европе.

В связи с временным уходом с международной арены революционной Франции проблема европейского равновесия приобрела, с английской точки зрения, новый аспект. Наиболее серьёзным противником Питта была теперь уже не Франция, а Россия, грозившая в результате своих блестящих военных успехов поколебать господствующее положение Англии.

В годы второй турецкой войны впервые дало о себе знать также и зарождавшееся соперничество Англии и России на Ближнем Востоке. Превращение Англии в крупнейшую азиатскую колониальную державу выдвинуло на передний план английской внешней политики задачи утверждения британского господства в Средиземном море и охраны подступов к Индии. Развитие английской промышленности обусловило повышение интереса к Турции в торгово-промышленных кругах. В наметившемся проникновении России в Средиземное море, на Кавказ и в Закавказье, Среднюю и Переднюю Азию, в развитии русского флота англичане видели для себя непосредственную угрозу.

Итак, основной причиной столкновения России с Англией, по нашему мнению, было стремление английского правительства укрепить занятое им после начала французской революции господствующее положение в Европе, приостановить начинавшее угрожать английским колониальным интересам продвижение России на Ближнем Востоке, расширить созданную Англией систему союзов и превратить её в направленную против России общеевропейскую коалицию. Эта выдвинутая Питтом великодержавная

⁹ Lord. Указ. соч., стр. 114; см. также стр. 130, 162—163.

¹⁰ Lodge R. «Great Britain and Prussia in the eighteenth century». Oxford. 1923.

программа прикрывалась декларацией о сохранении европейского равновесия, защите интересов слабых стран (Турции, Польши, Швеции), создании противопоставляемой России «оборонительной» федерации европейских держав, по сути дела, имевшей агрессивный характер.

Предъявляя России требования о заключении мира на основе довоенного статус-кво и о принятии посредничества Англии, Питт защищал не «европейское равновесие» и безопасность малых стран, а английскую мировую морскую и торговую монополию. Сопrotивление России попыткам Англии захватить в свои руки контроль над европейской политикой и столкновение интересов обеих держав на Ближнем Востоке привели к конфликту между ними в годы турецкой войны.

Дипломатическая война Англии против России протекала под знаком энергичного наступления британской дипломатии. Россия, уже связанная двойной войной — с Турцией и Швецией, — была вынуждена действовать оборонительно.

Антирусская направленность британской дипломатии стала очевидной с первых же дней второй турецкой войны. Война с Турцией началась при неблагоприятной для России внутренней и внешней обстановке, в момент, избранный турецким правительством, а не Екатериной II. Зачищенной выступила Турция, напавшая на Россию без объявления войны. В разыгравшемся в 1785 — 1787 гг. конфликте с Турцией русское правительство заняло сдержанную и сравнительно умеренную позицию, стремясь по возможности оттянуть войну на 2—3 года, с тем чтобы за это время закончить строительство черноморского флота и изменить в свою пользу международную конъюнктуру. Чтобы выиграть время, Екатерина II и князь Г. А. Потёмкин были готовы, как свидетельствуют неопубликованные документы (рескрипт Екатерины II Потёмкину 19 (30) августа 1787 г., письма Потёмкина А. А. Безбородко)¹¹, пойти на некоторые уступки Турции. Маниевры русской дипломатии, однако, не имели успеха. Турецкое правительство, добивавшееся реванша и стремившееся вернуть Крым, провоцировало Россию на войну. Большую роль в реваншистской, провокационной политике Турции сыграла англо-прусская дипломатия, разжигавшая воинственный пыл турецкого правительства.

Некоторые немецкие и английские историки, касавшиеся этого вопроса, обычно ограничиваются утверждением, что английское правительство не имело непосредственного отношения к возникновению войны. Немецкий историк Люквальдт, обследовавший английские архивы, установил, что ни Питт, ни министр иностранных дел Кармартен не давали английскому посланнику в Константинополе Энсли предписаний подстрекать Турцию на войну с Россией и что, следовательно, по выводу Люквальдта, «решение Порты было совершенно самостоятельным»¹². Это высказывание Люквальдта было повторено рядом других новейших буржуазных историков — Клепхемом, Г. Розом, Ф. Саломоном, Д. Герхардом¹³.

Однако нельзя сводить вопрос о степени ответственности английского правительства за возникновение войны исключительно к вопросу о наличии или отсутствии у Энсли письменных инструкций.

Русский посланник в Константинополе Я. И. Булгаков неоднократно сообщал в Петербург о происках английского посла Энсли и прусского посланника Дица¹⁴. В результате, как сообщал Булгаков императрице.

¹¹ ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина-Таврического, 1787, д. № 2, лл. 1—8; д. № 37.

¹² Luckwaldt F. «Die englisch-preussische Allianz von 1788 (in Forschungen zur Brandenburgischen und Preussischen Geschichte)». Bd. XV, S. 87.

¹³ См. Ward The Cambridge history of British foreign policy». V. I, p. 174. Cambridge, 1922; Rose H. Op. cit., p. 375, 489; Salomon F. «W. Pitt der Jungere». Bd. I. T. 2. S. 302. Leipzig, 1906; Gerhard D. «England und der Aufstieg Russlands». S. 197—199. München und Berlin, 1933.

¹⁴ См., например, кроме материалов ЦГАДА, Сб. РИО. Т. 47, стр. 155, 176, 199—200, также Segur «Memoires». Bruxelles, 1826—1827. Т. III, стр. 284, 287, 290, 296, 400, 489.

1 (12) августа, «визирь, слушая вздорные внушения английского, прусского, шведского, да, может быть, и других ещё министров, принимает оные за наличные деньги и основывает на них надежду на получение от дворов их помочи»¹⁵. Ещё в феврале 1787 г. вопрос о поведении Энсли стал предметом обсуждения русских и английских дипломатов. 10 (21) февраля английский посланник в Петербурге Фицгерберт писал министру иностранных дел Кармаргену, что Безбородко и Потёмкин принесли ему неофициальную жалобу на Энсли¹⁶. Затем на конференции 28 июля (8 августа) Остерман сделал Фицгерберту официальное представление по поводу Энсли, который «продолжает вселять туркам неприязненные к здешней империи расположения»¹⁷, и просил уведомить об этом английский правительство.

Но правительство Питта санкционировало провокационную деятельность своего представителя.

С началом войны вопрос об Энсли снова стал предметом оживлённой дискуссии между дипломатами Англии и России. Екатерина II заявила протест против действий Энсли и попыталась через посланника С. Р. Воронцова добиться его отзыва, но ей это не удалось.

Последующая тактика Питта свидетельствовала о стремлении английского правительства, насколько возможно, помочь Турции с тем, чтобы затянуть русско-турецкую войну. Весной 1788 г. Англия предприняла ряд мероприятий с целью затруднить обстановку для предполагавшейся экспедиции русского военного флота в Средиземное море. Особыми указами русским посредникам было запрещено нанимать в Англии транспортные суда для средиземноморской экспедиции, закупать для неё съестные продукты, вербовать английских матросов и лоцманов на русскую службу¹⁸.

Осуществляя направленные против России действия, Питт в то же время не препятствовал широко развернувшемуся снабжению Турции военными материалами и использованию английских судов для перевозки турецких военных грузов. Так, например, русский осведомитель в Константинополе банкир барон Гибш сообщал 13 (24) мая 1788 г., что из Константинополя в Морею вышли 4 английских корабля с военными материалами. Осведомитель Фродинг сообщал 17 марта, что английские суда с пушками вышли из Константинополя в Рагузу. Число подобных примеров можно было бы умножить²⁰.

Подобные действия англичан явились поводом для резких объяснений между английским поверенным в делах Фрезером и Остерманом. Последний на конференции 7 (18) мая, ссылаясь на сообщения о подвозе англичанами пороха в Константинополь, упрекал Англию в нарушении

¹⁵ ЦГАДА. Константинополь. Rapports en Cour, 1787, д. № 692, л. 31; см. также ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина, д. № 53, л. 32. Рапорт драгомана Пизани 1 (12) мая.

¹⁶ ЦГАДА. Перлюстрации. Англия. Ч. 24-я, л. 232—235; см. также Сб. РИО. Т. XXVI, стр. 285.

¹⁷ ЦГАДА. Сношения с Англией. II. Конференциальные записки, 1787, д. № 87, л. 3—4.

¹⁸ См. об этом ЦГАДА. Сношения с Англией. III. Rescrits expédition, 1787, д. № 86, л. 3—7; Архив кн. Воронцова. Т. IX, стр. 110, 111; XVI, стр. 209—210; ЦГАДА. Сношения с Англией. III. Dépêches expédition, 1787, л. № 382, л. 65—66; Correspondance Réception, д. № 385, л. 78—80; Сношения с Англией. IV. Communications Réception, 1787, д. № 619, л. 159—159 об.; II. Correspondance Expédition, 1787, д. № 88, л. 2; Архив Государственного совета. Т. I. Ч. 1-я, стр. 473, 477; II. Конференциальные записки. 1787, д. № 87, л. 7 об.—9 об.

¹⁹ См. сообщения С. Р. Воронцова, 7(18), 18(28), 3(14) мая 1788 г. ЦГАДА. III. Londres Dépêches Réception, 1788, д. № 390, л. 90—91, 116, 120, 126; д. № 391, л. 34—39; см. также Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. Т. IX—X, стр. 399; Архив кн. Воронцова. Т. XIX, стр. 401.

²⁰ См. ЦГАДА. Сношения с Турцией. III. Dépêches Réception. 1788, д. № 712, л. 23; д. № 709, л. 182; д. № 708, л. 113; д. № 706, л. 58.

нейтралитета в пользу Турции²¹. На протесты Воронцова в связи с тем, что Турция закупала в Англии военные корабли, Питт ответил классической формулой английской дипломатии, заявив, что ему об этом ничего не известно²².

Русско-турецкая война привела к новой расстановке международных сил, открыв широкие перспективы для комбинации европейских держав, которые надеялись, что, связанная войной, Россия не сможет теперь оказать серьёзного сопротивления их планам. В первую очередь это относится к Англии и Пруссии, заключившим 13 июня 1788 г. в Лоо и 15 августа (нового стиля) в Берлине договоры, которые завершили образование Тройственного союза.

По Берлинскому договору, Англия и Пруссия приняли на себя обязательство о взаимной гарантии своих владений и о взаимопомощи в случае оборонительной войны; обе державы гарантировали также целостность и независимость Голландии.

Наибольшее значение имели, однако, секретные статьи Берлинского договора. По первому секретному пункту договора, Англия и Пруссия обязались в случае оборонительной войны не только направить свои войска на защиту атакованной стороны, но и произвести «диверсию на континенте против атакующей державы»; в силу второго секретного пункта, Англия обещала употребить все свои сухопутные и морские силы в пользу Пруссии. Последняя тем самым добилась своей основной цели — обеспечила себе поддержку английского флота, особенно важную для неё во время войны с Россией как для прикрытия побережья Восточной Пруссии и Померании, так и для ведения наступательных операций.

Третий секретный пункт был включён в Берлинский договор по настоянию Англии и предусматривал расширение Тройственного союза и присоединение к нему северных держав (Швеции и Дании). По замыслу англичан, это должно было закрепить влияние английской дипломатии на континенте и содействовать сохранению «равновесия» на севере Европы, т. е. ослаблению там русского влияния. Впоследствии расширение Тройственного союза явилось исходным пунктом для плана образования направленной против России общеевропейской коалиции.

По четвёртому пункту, союзники обязались действовать «в совершенном и тесном согласии» в вопросах, связанных с русско-турецкой войной, и предложить воюющим державам своё совместное посредничество²³.

К договору Англии и Пруссии присоединилась и Голландия.

Заключение Тройственного союза резко изменило международную обстановку. Возможность возникновения англо-прусского союза в течение нескольких лет тревожила Екатерину II. Известия о заключении Тройственного союза были приняты русскими дипломатами с показным равнодушием, но Екатерина II с тревогой писала Потёмкину, что Тройственный союз, несомненно, направлен против России²⁴. Секретные статьи Берлинского договора действительно недвусмысленно были заострены против России. Они ставили цель ограничить свободу действий России на Ближнем Востоке (пункт о совместном предложении Англией и Пруссией посредничества и о их совместных действиях в турецком вопросе) и противопоставить ей блок враждебных держав на Севере (пункт о при-

²¹ ЦГАДА. Сношения с Англией. II. Конференциальные записки. 1788, д. № 91, л. 6—7.

²² Делеша Воронцова 7(18) марта; там же. *Dépêches Réception*. 1789, д. 390, л. 90—94.

²³ Hertzberg «Recueil des déductions mémoires, déclarations traités et autres actes écrits publiés». Vol. II, p. 449, 455, Berlin 1787—1789; Ranke «Die deutschen Mächte und der Fürstenbund». Bd. II. S. 358—360. Leipzig. 1871.

²⁴ Сб. РИО. Т. XXVII, стр. 530. Письмо Екатерины II Потёмкину 7(18) ноября 1788 года.

соединении к Тройственному союзу Швеции, с которой во время заключения Берлинского договора Россия уже вела военные действия).

Таким образом, русская дипломатия впредь должна была считаться с новым опасным противником, обладавшим первоклассным флотом, большой армией и широкими международными связями, позволившими ему вскоре развернуть подготовку враждебной России общеевропейской коалиции.

Ближайшие события не замедлили подтвердить правильность опасений Екатерины II. Уже в сентябре — октябре 1788 г. Англия и Пруссия предприняли открыто враждебные России действия, вмешавшись в русско-шведскую войну.

Открытое вмешательство Англии в русско-шведскую войну было грубым нарушением международных норм. Швеция начала военные действия против России в июне 1788 г. без объявления войны и без каких-либо серьезных непосредственных поводов для неё. Неожиданная диверсия Густава III создала прямую угрозу Петербургу и сорвала широкие планы Екатерины II о военной экспедиции русского флота в Средиземное море. Вскоре, однако, положение изменилось в пользу России, вынудившей шведскую армию к отступлению и одержавшей блестящую победу на море при Гогланде. В августе 1788 г. под давлением Екатерины II начала военные действия союзная России Дания; датские войска осаждали крупный шведский порт Готенбург.

В этот весьма благоприятный для России момент выступили Англия и Пруссия. Как показывает переписка виднейших английских политических деятелей, английское правительство стремилось спасти Швецию от поражения, опасаясь установления полной гегемонии России в Балтийском море и на севере Европы²⁵.

С самого начала русско-шведского конфликта Англия, внимательно следившая за развёртывавшимся на севере кризисом, старалась не допустить деятельного участия Дании в войне. По датско-русскому союзному договору, Дания должна была выставить для помощи России 6 линейных кораблей и 12 тыс. вспомогательного войска. При этом, согласно нормам международного права, Дания выступала бы как *partie belligerante auxiliaire*, а не как *partie principale*, следовательно, ведя фактически военные действия против Швеции, юридически она считалась бы не состоящей в войне с нею. Английская дипломатия, спекулируя на этих юридических оттенках, угрожала, что она сочтёт активное участие Дании в русско-шведской войне нарушением международного права. 1 (12) июля 1788 г. русский посланник Криденер писал из Копенгагена, что английский посланник Г. Эллиот распространяет слухи о намерении английского правительства послать свой флот на помощь Швеции, если датские морские силы присоединятся к русским²⁶. Вследствие этого давления Англии Дания долго колебалась, не решаясь выполнить свои союзные обязательства; датский посланник в Петербурге Сен-Сафорен заявил Остерману на конференции 23 июня (4 июля), что Англия не позволит Дании принять участие в военных действиях²⁷.

Характерно, что одновременно с этим Англия и Пруссия не приняли никаких мер для того, чтобы предотвратить нападение Швеции на Россию. Датское правительство, обратившееся с просьбой о принятии таких мер, получило отказ и в Лондоне (1 мая нового стиля) и в Берлине (19 июня нового стиля)²⁸.

²⁵ Rose Н. Указ. соч., стр. 495—496; Ward. Указ. соч. Т. I, стр. 182—183; Barnes «George III and William Pitt. 1783—1806», p. 185—186. London. 1939; Stanhope «W. Pitt et son temps». Vol. II, p. 407—408. Paris. 1863.

²⁶ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*. 1788, д. № 433, л. 7—8; то же 19(30) июля; там же, л. 53.

²⁷ ЦГАДА. Общие конференциальные записки. 1788. Ч. 1-я, л. 271—273 об.

²⁸ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*. 1788, д. № 432, л. 80, д. № 433, л. 17. III. Берлин. *Dépêches Réception*. 1788, д. 349, л. 9—11, 17.

Когда в середине августа Дания всё же начала военные действия (не объявляя при этом Швеции войну и сохранив с ней нормальные дипломатические отношения), Англия и Пруссия поспешили на помощь Густаву III. Особенно важную роль сыграл при этом английский посланник в Копенгагене Гью Эллиот, стоявший за активное вмешательство Англии в европейскую политику и за прочный союз с Пруссией²⁹.

Некоторые историки отрицают ответственность правительства Питта за действия Эллиота, утверждая, что последний поступал по собственной инициативе и без инструкций³⁰. Нам кажется, что в данном случае этот аргумент может служить оправданием ещё в меньшей степени, чем в инциденте с Энсли. Не давая Эллиоту прямых указаний действовать против России, Питт в инструкции 9 сентября (нового стиля) недвусмысленно намекнул, что выступление Дании против Швеции «не может не привлечь самого серьёзного внимания» и не повлиять на поведение держав, «заинтересованных в сохранении равновесия на Севере»³¹.

Эллиот, однако, начал действовать ещё до получения этой инструкции³². От имени своего правительства он потребовал, чтобы Дания не выходила за пределы своего союзного договора с Россией, т. е. действовала бы лишь как *partie auxiliaire*³³. Эллиот угрожал тем, что, если датские войска вступят на шведскую территорию, Англия объявит Дании войну³⁴. 16 сентября Эллиот заявил министру иностранных дел Бернсторфу, что если Дания немедленно не прекратит военные действия против Швеции, то Англия и Пруссия придут на помощь Густаву III. Эллиот подчеркнул при этом, что его правительство дало ему *carte blanche*.

Вслед за этим Эллиот покинул Копенгаген, отправился в Швецию и, встретив Густава III в Карлштадте, театрално заявил ему: «Государь, вручите мне Вашу корону; я верну её Вам с удвоенным блеском»³⁵. Подбодрив Густава III, Эллиот в письмах от 3 и 6 октября (нового стиля) ультимативно потребовал от датского главнокомандующего принца Гессенского немедленно снять осаду Готенбурга, в обороне которого принимали участие английские моряки³⁶, прекратить военные действия и заключить перемирие. Дания, писал Эллиот, дала неправильную интерпретацию строго оборонительному договору, связывавшему её с Россией, и начала против Швеции наступательные действия; если она немедленно не заключит перемирия, то объявление войны Англией и Пруссией станет неизбежным, может быть, уже в настоящий момент они начали военные действия³⁷.

Одновременно прусский посланник в Копенгагене вручил датскому правительству декларацию, угрожавшую оккупацией Голштинии, если немедленно не будут прекращены военные действия против Швеции³⁸.

Как и следовало ожидать, датское правительство капитулировало перед энергичным натиском Тройственного союза: 9 октября (нового стиля) принц Гессенский заключил на несколько дней перемирие, которое затем было продлено до 15 мая 1789 года.

Смущённое подвигами своего посланника, правительство Питта было вынуждено официально его дезавуировать: потребовавшему объяснений датскому поверенному в делах в Лондоне ответили, что Эллиот не имел

²⁹ Gerhard D. Указ. соч., стр. 231.

³⁰ Rose H. Указ. соч., стр. 497—498; Gerhard D. Указ. соч., стр. 228—229, 237.

³¹ Ward. Указ. соч. Т. I, стр. 184; Rose H. Указ. соч., стр. 497.

³² ЦГАДА. III. Копенгаген. 1788. *Dépêches Réception*, д. № 435, л. 36—37, 40—42; см. также Lodge, Указ. соч., стр. 184; Gerhard D. Указ. соч., стр. 231, прим. 123.

³³ Делегация Криченера 9(20) и 15(26) августа; ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1788, д. № 434, л. 45—46, 59—62.

³⁴ Там же, д. № 435, л. 1—6.

³⁵ Rose H. Указ. соч., стр. 496.

³⁶ Ward. Указ. соч. Т. I, стр. 184; Rose H. Указ. соч., стр. 499.

³⁷ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1788, д. № 436, л. 9, 11—13; см. также письмо Эллиота Бернсторфу 2 октября (там же), д. № 435, л. 91.

³⁸ Там же, лл. 19—21.

инструкции угрожать Дании войной³⁹. Узнав об этом, находчивый Эллиот начал угрожать, что он опубликует письма, апробировавшие его тактику в датско-шведском конфликте⁴⁰ (Эллиот имел в виду инструкцию Питта от 9 сентября). Инцидент закончился тем, что и Эллиот и Эварт получили из Лондона полное, хотя и неофициальное, одобрение своим действиям⁴¹.

Союзники спасли Густава III от военно-политической катастрофы. В результате вмешательства Англии и Пруссии русско-шведская война затянулась до осени 1790 г., в то время как уже в сентябре 1788 г. были все основания ожидать быстрой капитуляции стоявшего перед полным крахом Густава III.

Описанные нами события положили начало диктаторской политике Англии на континенте. Интервенция в Голландию и заключение Тройственного союза были первыми, пока ещё осторожными шагами в этом направлении. Дальнейшее развитие событий показало английской дипломатии, что перед нею открываются новые перспективы. После заключения торгового договора в 1786 г. и позорной капитуляции французского правительства в 1787 г. англо-французское соперничество несколько ослабло: была устранена опасность подчинения Голландии французскому влиянию (со всеми вытекающими из этого последствиями), главный конкурент Англии потерпел серьёзное поражение. Попыток Франции взять реванш можно было пока не опасаться.

В середине 1790 г. Питт одержал новую крупнейшую дипломатическую победу. На конференции Австрии, Англии, Пруссии и Голландии в Рейхенбахе (27 июня — 27 июля нового стиля), созданной в период развёртывающейся буржуазной революции во Франции, Англии удалось заставить союзную России Австрию принять следующие обязательства: заключить немедленное перемирие с Турцией; базой мира с Турцией признать довоенный статус-кво; вести мирные переговоры при посредничестве Тройственного союза; впредь ни прямо, ни косвенно не оказывать России никакой помощи в войне с Турцией⁴².

Бельгийский вопрос — о судьбе революционного восстания бельгийского народа — был также решён в интересах Англии: к концу 1790 г. было полностью восстановлено австрийское господство над Бельгией, и тем самым была предотвращена возможность перехода Бельгии под влияние Франции. Нити европейской политики сходились теперь в руках англичан, у которых были деньги и флот и высокоразвитая промышленность которых представляла реальную базу их мировой агрессивной политики.

Руководящая роль в системе Тройственного союза и ориентированных на него держав (Турции, Польши, Швеции) была закреплена за Англией.

Питт понимал, что при таких обстоятельствах его непосредственная задача заключалась в том, чтобы использовать создавшиеся возможности и не допустить, чтобы из числа европейских держав выдвинулся новый противник, который смог бы создать угрозу для английской мировой колониальной, морской и торгово-промышленной гегемонии. Пресловутая политика «европейского равновесия» преследовала осуществление именно этой цели и была объективно заострена против России, в лице которой Питт видел такого соперника.

В результате происков англо-прусской дипломатии международное положение России резко ухудшилось. В январе 1790 г. Пруссия заключила союзный договор с Турцией, по которому она приняла обязатель-

³⁹ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1788, д. № 393, л. 55—66.

⁴⁰ Там же, д. № 437, л. 97.

⁴¹ Lodge. Указ. соч., стр. 184.

⁴² Spiegel. *Resume des negotiations qui accompagnerent la Revolution des Pays Bas Autrichiens* Amsterdam. 1841.

ство объявить войну России; в марте 1790 г. был заключён направленный против России польско-прусский договор.

Начиная с осени 1788 г. союзники навязывали России своё посредничество для ведения мирных переговоров с Турцией и Швецией. Делалось это с целью вырвать дипломатическую инициативу у России и подчинить её внешнюю политику своему контролю. Весной 1790 г. Англия раскрыла свои карты, потребовав от России немедленного заключения мира с Турцией и Швецией на основе довоенного статус-кво, т. е. на основе отказа от всяких территориальных приобретений, из которых наиболее значительным был Очаков. С 1790 г. война с Тройственным союзом стала реальной угрозой для России и её союзника Австрии. Русское командование было вынуждено для обороны западных границ перебросить силы с турецкого фронта. Питт в первую очередь стремился сломить сопротивление, которое оказывала Россия диктатуре Тройственного союза, навязать ей мир статус-кво и тем самым закрепить английскую гегемонию в Европе. Англо-русские противоречия выдвинулись после Рейхенбаха на авансцену европейской политики.

В этой связи необходимо остановиться и на так называемой федеративной системе и на роли, которую играл английский посланник в Берлине Джозеф Юварт в системе внешней политики В. Питта.

Свою основную задачу Юварт и группировавшиеся вокруг него английские дипломаты — Ч. Уитворт, посланник Англии в Варшаве Гейлс, посланники в Копенгагене и в Стокгольме Г. Эдлиот и Листон — видели в образовании общеевропейской федерации, во главе которой стояла бы Англия. Юварт и его группа были убеждёнными и горячими противниками изоляционизма, твёрдо уверенными, что Англия может занять подобающее ей место в европейской политике лишь в союзе с Пруссией. Юварт был одним из главных инициаторов и вдохновителей Тройственного союза.

Но англо-прусский союз, в понимании Юварта, был лишь отправным пунктом для достижения его главной цели — создания общеевропейской федерации держав и установления гегемонии Англии в Европе.

Этот план был выдвинут Ювартом ещё 28 мая (нового стиля) 1789 г.; он писал министру иностранных дел Кармартену (на которого он имел большое влияние), что комбинация английского флота и прусской армии даст возможность подчинить англо-прусскому влиянию европейский континент от Архипелага до Балтийского моря (соединить балтийские интересы с интересами Архипелага и соединить Север и Восток непрерывной цепью коммуникаций). Идея Юварта была одобрена и развита Кармартеном, считавшим, что федерация Англии, Пруссии, Голландии, немецких княжеств, входивших в Союз князей, Швеции и Дании, Польши и Турции, даст Англии возможность окружить Россию кольцом враждебных ей держав, установить верный и короткий путь для сношения с Индией и успешнее конкурировать с французской торговлей в Леванте⁴³.

Сторонник Юварта английский посланник в Варшаве Гейлс подчёркивал, что «великая цель федерации... составленной из независимых государств от Британских островов до Константинополя при вероятном присоединении к ней Дании и Швеции», не только спасёт Польшу от агрессии России, но и закроет для «московского великана» путь на Запад. «Как только будет закрыт путь, державшийся для него ранее открытым,—поучал Гейлс поляков при переговорах с ними зимой 1791 г.,—

⁴³ Luckwaldt F. «Zur Vorgeschichte der Konvention von Reichenbach. Englischer Einfluss am Hofe Friedrich-Willhelms II. Delbrück-Festschrift», S. 242. Berlin, 1908; Gerhard D. Указ. соч., стр. 257—258.

великан останется на Севере и Востоке и будет вынужден вести себя смиренно»⁴⁴.

Ведущая роль в этой федерации была бы обеспечена Англии, так как она имела бы полную возможность играть на острых противоречиях входивших в федерацию стран и нейтрализовать их силы.

Необходимой предпосылкой для осуществления этого грандиозного плана Юварт считал отказ России от территориальных приобретений за счёт Турции и заключение ею мира на основе статус-кво. Юварт справедливо полагал, что если Англия уступит в этом вопросе, то падёт её международный престиж, ещё более ухудшатся и без того натянутые англо-пруссские отношения и возникнет угроза распада Тройственного союза. С осени 1790 г. Юварт неустанно доказывал Питту, что необходимо любыми средствами заставить Россию отказаться от её территориальных притязаний. При этом в поданном Питту мемуаре «Соображения о необходимости присоединения Польши, Турции и малых балтийских государств к оборонительной системе союзников» он подчёркивал, что интересы Тройственного союза и России, стремившейся к подчинению Польши, Турции и балтийских государств, противоположны и что Россия станет гегемоном в Европе, если Англия не даст ей отпора. Вопрос о самом Очакове с его округом, писал Юварт английскому посланнику в Гааге Окленду 5 января и 12 февраля (нового стиля) 1791 г., имеет второстепенное значение по сравнению с тем влиянием, которое окажет исход кризиса на «силу и прочность системы союзников». На карте стоит вся система проводившейся в последние годы Англией внешней политики⁴⁵.

Юварту вторил Ч. Уитворт. В депешах, полных ненависти к России, он требовал проучить «этот высокомерный двор»⁴⁶. Вновь и вновь Уитворт призывал английское правительство принять эффективные меры против России, предлагая самые фантастические проекты — сжечь русские верфи в Архангельске, потопить русский флот в Севастополе⁴⁷.

Итак, основной причиной, толкавшей Питта на войну с Россией, было желание сохранить гегемонию Англии в Европе, определившуюся после начала революции во Франции и укрепившуюся после Рейхенбахской конференции. Требование мира на основе статус-кво и отказа России от Очакова имело целью: 1) обеспечить сохранение сложившейся в пользу Англии расстановки международных сил и английской гегемонии в Европе, 2) не допустить дальнейшего продвижения России на Ближнем Востоке, 3) воспрепятствовать превращению России в крупную военно-морскую державу, что могло бы создать угрозу для английского господства на европейских морях, 4) изолировать Россию и заставить её отказаться от активной внешней политики.

Блестящие военные успехи России заставили англичан постараться ускорить развязку. Падение Измаила открыло русским путь к Константинополю. Великий подвиг русской армии в полной мере показал и боевые качества русского солдата и стратегический гений Суворова. Питт понимал, что Турция не долго сможет ещё сопротивляться. Нужно было торопиться, пока не была ещё окончательно потеряна надежда сломить неуступчивую императрицу.

⁴⁴ Kalinka V. «Der vierjährige polnische Reichstag von 1788 bis 1791». Bd. II, S. 273, Berlin. 1898; ЦГАДА. III. Варшава Dépêches Réception, 1791, д. № 1292, л. 49—50.

⁴⁵ Salomon F. Указ. соч., стр. 502—504; Ward. Указ. соч. Т. I, стр. 205; Gerhard D. Указ. соч., стр. 322—323, прим. 145.

⁴⁶ Уитворт Лидеу 7(18) мая 1790 года. ЦГАДА. Англия. Перлюстрации. 1790. 228 ч. 73—75.

⁴⁷ Митрофанов «Леопольд II Австрийский», стр. 398. Петроград. 1916; Леску. Указ. соч. Т. VI, стр. 160.

Было ясно, что все средства дипломатического воздействия союзниками исчерпаны. В начале января 1791 г. английский кабинет принял решение силой заставить Екатерину II согласиться заключить мир на основе статус-кво⁴⁸.

Екатерина между тем имела весьма серьёзные основания добиваться уступки Очакова, даже несмотря на опасность военного столкновения с Тройственным союзом. В кампании 1787—1788 гг. полностью выявилась стратегическая роль Очакова как ключевой позиции над подступами к днепровскому лиману. Только после падения его в результате длительной осады стало возможным дальнейшее развёртывание наступательных операций. Отдать туркам Очаков — значило бы свести к нулю одно из серьёзнейших достижений русского оружия и поставить себя в будущей войне с Турцией снова перед лицом тех же трудностей, с которыми столкнулись уже в 1787—1788 годах. Широкие перспективы имел район устья Днестра также в экономическом отношении. Большую роль сыграло междуречье Буга и Днестра как стратегический плацдарм для дальнейшей экспансии России на Балканы.

Но не только эти соображения обусловили категорический отказ России принять требования союзных держав о заключении мира на основе статус-кво. Уступка России в этом вопросе означала бы, по сути дела, капитуляцию её перед Тройственным союзом, тяжёлый и непоправимый удар по её международному престижу, полный провал всей внешнеполитической линии последнего десятилетия. Непосредственным результатом поражения России должно было явиться дальнейшее укрепление позиции Тройственного союза и превращение Англии и Пруссии в полновластных распорядителей судьбами Европы. Несомненно, что в этом случае и враждебные России страны — Турция, Польша, Швеция — и её недавние союзники — Дания и Австрия — должны были присоединиться к Тройственному союзу. Тем самым Россия оказалась бы совершенно изолированной перед лицом направленной против неё мощной общеевропейской коалиции. Таким образом, принятие требования союзных держав влекло за собой не только отказ от столь ценного территориального приобретения, как северное побережье Чёрного моря, но и крупнейшее внешнеполитическое поражение, грозившее весьма тяжёлыми последствиями.

Наконец, мир на основе статус-кво после нескольких лет разорительной, но сопровождавшейся блестящими успехами войны был бы серьёзным ударом и по личному престижу Екатерины II. Успешная внешняя политика была главным козырем в её политической игре. Дипломатическое поражение в момент острого финансового кризиса, при широко распространившихся среди крупнейших русских сановников настроениях тревоги и недовольства, своеобразной, хотя и скрытой фронды против связанной с именем Потёмкина восточной политики, могло создать для Екатерины II опасные осложнения.

Необходимым условием успеха задуманной Питтом войны было привлечение на сторону Тройственного союза европейских государств, занимавших до этого времени нейтральную или дружественную России позицию. Зима 1790—1791 г. прошла под знаком ожесточённой борьбы России с союзными державами, пытавшимися образовать против неё мощную общеевропейскую коалицию. Задача отразить удары со стороны Тройственного союза заставляла Екатерину II отсрочить осуществление её агрессивных замыслов в отношении революционной Франции.

⁴⁸ Salomon F. Указ. соч., стр. 504.

Остановимся на освещении деятельности Тройственного союза в важнейших столицах Европы в период от Рейхенбаха до начала Russian Armament и на борьбе с ним русской дипломатии.

Подготавливавшая новую войну дипломатия Тройственного союза в первую очередь ставила задачу воспрепятствовать заключению мира между Россией и Турцией. С самого начала англо-прусская дипломатия в Константинополе прилагала все усилия, чтобы затянуть войну. Я. И. Булгаков в 1788—1789 гг. неоднократно писал в Петербург о провокационной деятельности Энсли, разжигавшего воинственный пыл турецкого правительства обещаниями всенной помощи⁴⁹. Весной 1789 г. Энсли и Дичу удалось расстроить мирные переговоры, начатые Россией и Австрией в Константинополе при посредничестве французского посланника Шуазеля-Гуффье⁵⁰. Целью союзников при этом было выиграть время с тем, чтобы, в конце концов, заставить Екатерину II принять многократно отвергнутое ею посредничество держав.

Екатерина II, со своей стороны, с весны 1790 г. вела с Турцией неофициальные мирные переговоры, в ходе которых Г. А. Потёмкин наотрез отказался удовлетворить инспирированное Англией и Пруссией требование великого визиря Гассан-паши о созыве международного конгресса. Потёмкин писал Екатерине II, что турки надеются во время конгресса «впустить другие державы действовать в их пользу»⁵¹. Переговоры надолго затянулись и проходили неудачно, так как турки под давлением прусской дипломатии продолжали настаивать на конгрессе или принятии посредничества Пруссии⁵².

Отказывая в военной поддержке, которую требовала Турция, дипломаты Тройственного союза пользовались любым предлогом, чтобы заставить её поверить в искренность обещаний Англии и Пруссии начать войну с Россией. Так, осенью 1790 г. Энсли уверял турецких министров, что проводившееся в это время в Англии в связи с англо-испанским конфликтом вооружение флота в действительности направлено против России. Энсли не скупился на обещания, убеждая турецких сановников продержаться ещё некоторое время и суля им помощь организованной Англией мощной общеевропейской коалиции, которая, по его словам, лишь ждёт сигнала, чтобы объявить войну России. Весной 1791 г. Англия и Голландия непременно пошлют в Балтику свой флот, уверял Энсли; Швеция также примет участие в этой войне, так как «она отступила, чтобы лучше прыгнуть»⁵³.

После тяжёлых военных поражений, понесённых во второй половине 1790 г., и особенно после падения Измаила в Турции чрезвычайно усилилось стремление возможно скорее заключить мир с Россией. Турецкому правительству пришлось прибегнуть к драконовским мерам, чтобы задуть недовольство. Осведомитель Булгакова писал ему 8 марта из Константинополя, что людей, осмелившихся в кафе произнести слово «Измаил», арестовывали и ссылали на галеры⁵⁴.

Екатерина II писала Потёмкину 22 января (2 февраля) 1791 г.: «...что покорение Измаила страх нанесло туркам, сему легко поверю, но действие

⁴⁹ ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина, д. № 53, л. 152—153; ЦГАДА. III. Константинополь. *Dépêches Réception* 1788, д. № 706, л. 30; 1789, д. № 722, л. 94—96.

⁵⁰ См. об этом ЦГАДА. Общие конференциальные записки. 1789, л. 120—122; II. Париж. Конференциальные записки, 1789, д. № 113, л. 51—52; III. Константинополь. *Dépêches Réception*, 1789, д. № 722, л. 40—45, 94—96.

⁵¹ См. о переговорах Потёмкина с Гассан-пашой весной 1790 года. Материалы ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина. 1790, д. № 16.

⁵² См. переписку Г. А. Потёмкина с его уполномоченным по ведению переговоров с Турцией. Лашкаревым, за август — сентябрь 1790 г.; ЦВИА, ф. 52, оп. 203/1, д. № 19, л. 52—53, 100, 101, 104, 106—110; д. № 20, л. 26—30.

⁵³ Письмо осведомителя из Константинополя, 8 октября (нового стиля) 1790 г., адресованное Я. И. Булгакову. ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина, д. № 54, л. 252—253.

⁵⁴ ЦГАДА. III. Варшава, *Dépêches Réception*, 1791, д. № 1294, л. 73

того страха желаю жадно узнать» — и надеялась, что за падением Измаила «последует смена визиря, а за сим, может быть, переговоры о мире»⁵⁵. Действительно, в конце 1790 г. султан Селим III готов был начать мирные переговоры с Россией. Но дипломаты Тройственного союза поспешили принять свои меры. Кнобельсдорф подкупил влиятельнейших придворных Селима III, Энсли подал ноту, в которой уверял, что будущей весной Англия и Пруссия непременно начнут войну с Россией, — и под их давлением заколебавшийся султан решил продолжать безнадежно проигранную войну⁵⁶.

Необходимым условием успешного осуществления планов изоляции России было расторжение русско-австрийского союза. С этой целью Англия и Пруссия одновременно предприняли попытку привлечь Австрию на сторону Тройственного союза. Не будем останавливаться сейчас на тайных переговорах фаворита прусского короля Фридриха-Вильгельма II Бишофсвердера в Вене в феврале 1791 г., преследовавших сложные и внутренне противоречивые цели; отметим лишь, что результаты этих переговоров не соответствовали ожиданиям Пруссии. Не добилась большего и Англия. Полная неудача постигла чрезвычайного посланника лорда Эджина, посланного в Вену со специальным заданием — добиться от Леспольда II гарантии нейтралитета Австрии в предстоящей войне и убедить его выступить посредником между Россией и союзниками⁵⁷. Попытки Англии и Пруссии разорвать русско-австрийский союз ни к чему не привели.

Решение английского правительства оказать энергичный отпор восточным планам Екатерины II выдвинуло на первый план во внешней политике Питта польский вопрос.

Принятое Питтом решение начать войну с Россией заставило его попытаться найти новые источники необходимого для английского флота сырья, которое до сих пор поставлялось почти исключительно Россией. Поэтому с осени 1790 г. Питт с величайшей энергией принялся за разработку своего «польского плана», сущность которого с наибольшей ясностью и отчетливостью изложена в анонимной брошюре, вышедшей в Варшаве в конце 1790 года. Брошюра эта была написана английским посланником в Варшаве Гейлсом и, по свидетельству Г. Роза, была одобрена Питтом⁵⁸, что позволяет рассматривать её как документ, отражающий точку зрения английского кабинета.

Гейлс выдвинул в своей брошюре проект тройственного торгового договора между Англией, Пруссией и Польшей, причём Англия принимала обязательство добиться согласия Пруссии на снижение губительных для польской торговли транзитных пошлин с 12 до 3%. Но, чтобы компенсировать Пруссии подобную жертву, Польша в свою очередь должна уступить ей Гданск. Экономические выгоды, которые принесёт Польше торговый договор с Англией, вполне оправдывают эту жертву, ибо результатом оживления англо-польской торговли будет небывалый расцвет народного хозяйства Польши. Столь же велики, подчёркивал Гейлс, вытекающие из этого преимущества политического характера — Англия в случае реализации этих проектов будет непосредственно заинтересована в сохранении независимости и целостности Польши. «Отчуждение Англии от России, столь справедливое и имеющее столь серьёзные основания, — писал Гейлс, — заставляет её (Англию. — А. С.)

⁵⁵ Сб. РИО. Т. 42, стр. 136. Письмо Екатерины II к Потёмкину 22 января (2 февраля) 1791 года.

⁵⁶ Фридрих-Вильгельм II 17 января (нового стиля) 1791 г. злорадно писал Гольцу, что надежды Екатерины II заключить мир путём прямых переговоров с Турцией оказались тщетными. ЦГАДА. Пруссия. Перлюстрации. 1791—1792, ч. 39.

⁵⁷ См. об этом Митрофанов. Указ. соч., стр. 374; Herrmann. Geschichte des russischen Staates. Bd. VI, S. 395. Gotha. 1860. Salomon F. «Das politische System des Jüngeren Pitt und die zweite Teilung Polens», S. 45. 1895.

⁵⁸ Rose H. Указ. соч., стр. 595—596

искать средств, чтобы освободиться от известной зависимости, в которой её держит в течение многих лет монополия этой последней (России. — А. С.), установленная на продукты, необходимые для флота Англии». Польша вполне может заменить Россию в качестве поставщика нужного Англии сырья⁵⁹.

Столь же серьёзное значение проект союза с Польшей имел и для внешней политики Англии на континенте, для сохранения «европейского равновесия». С этой точки зрения исчерпывающую характеристику ему дал Лидс в письме к Юварту. По мнению Лидса, реализация «польского плана» должна была способствовать превращению Польши в полезного члена Тройственного союза, укреплению англо-прусских отношений и уменьшению русского влияния в Европе⁶⁰.

Англо-прусские планы в Польше натолкнулись на серьёзные препятствия. В первую очередь надлежит здесь отметить резкий перелом, происшедший в отношениях Польши к союзникам после Рейхенбаха. Торговля польскими интересами в Рейхенбахе и крушение надежд на возвращение Галиции, потерянной в результате первого раздела, вызвали в Польше всеобщее озлобление против англичан и пруссаков. Сам Гейлс указывал, что Рейхенбах подорвал доверие к Англии. «Едва лишь была заключена рейхенбахская конвенция, как доверие... к Великобритании мгновенно исчезло», — пишет он в своей брошюре «Мемуар о современном положении Польши». «Англии приписывали воображаемую вину в том, что она не согласилась на воссоединение Галиции с республикой»⁶¹.

Но, по указанным нами выше причинам, именно этот во всех отношениях неблагоприятный момент британская дипломатия выбрала для того, чтобы постараться привлечь Польшу на сторону Тройственного союза.

В Лондон был послан близкий к группе И. Потоцкого литовский гетман Огинский для того, чтобы лично объяснить с Питтом⁶². Во время переговоров с Огинским в декабре 1790 г. Питт изложил ему свой польский проект и убеждал его согласиться на уступку Гданска Пруссии, так как это, по мнению Питта, был единственный способ разрешить польско-прусские противоречия: выгодный торговый договор с Англией и Пруссией вполне компенсирует потерю Гданска, к тому же Англия защитит польскую торговлю от прусской эксплуатации⁶³.

В январе 1791 г. английское правительство приступило к реализации своего «польского плана», до сих пор находившегося лишь в стадии обсуждения. 8 января (нового стиля) Лидс направил Гейлсу инструкцию, предписывавшую ему предложить Польше заключить с Англией союзный и торговый договоры⁶⁴. Лидс подчеркнул в этой инструкции, что уступка Гданска Пруссии является непременным условием англо-польского союза, так как лишь в этом случае возможно присоединение к нему Пруссии⁶⁵.

Получив инструкцию Лидса, Гейлс развил лихорадочную деятельность. 25 января (нового стиля) Гейлс подал в Сеймовую иностранных дел комиссию ноту с предложением заключить союз, на что Комиссия 29 января (нового стиля) ответила принципиальным согласием, запросив

⁵⁹ ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*, 1791, д. № 1291, л. 70—77. См. также письмо Питта Юварту 20 июня 1790 года. Gerhard D. Указ. соч., стр. 307—308.

⁶⁰ Salomon F. «Das politische System des Jungeren Pitt und die zweite Teilung Polens».

⁶¹ ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*, 1791, д. № 1291, л. 70—77.

⁶² ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*, 1790, д. № 1285, л. 92; Булгаков Остерману 14(25) декабря.

⁶³ Ogiński M. «Mémoires sur la Pologne et polonais». Vol. I, p. 91—102. Paris. 1896.

⁶⁴ Salomon F. «Das politische System des Jungeren Pitt...», S. 48; Rose H. Указ. соч., стр. 599.

⁶⁵ Kalinka. Указ. соч. Т. II, стр. 271.

при этом о конкретных предложениях английского правительства. Но в этом-то и заключалась основная трудность начатых Гейлсом переговоров. Предпосылкой союза, как мы видели, Питт считал уступку Гданска, что было несовместимо с кардинальным законом 5 сентября 1790 г., запрещавшим уступки территории Речи Посполитой иностранным державам. На запрос комиссии Гейлс уклончиво ответил на конференции 13 февраля (нового стиля), что он не уполномочен своим правительством вносить «конкретные предложения политического или торгового характера»⁶⁶.

В переговорах после этого наступила пауза: ни Гейлс, ни Комиссия не решались первыми заговорить о Гданске⁶⁷. Внимательно наблюдавший за манипуляциями Гейлса Булгаков насмешливо писал о нём 8 (19) февраля Остерману: «Гейлс за всеми ходит, всех ласкает, всех просит, всех уговаривает представить на Сейме об уступке Гданска, но как кардинальным законом нынешнего сейма запрещено и говорить об уступках владений Речи Посполитой, то никто и не смеет приняться сделать ему такую угодность». Тщетно Гейлс убеждал поляков, что Гданск собственно вовсе и не принадлежит Польше, а лишь находится под её покровительством. «Сему никто внять не хочет», — ядовито констатировал Булгаков⁶⁸. Когда же в начале марта потерявший терпение Гейлс решил наконец намекнуть на заседании Комиссии, «не сможет ли служить уступка Гданска прусскому королю дорогою к заключению торгового трактата», то «на сие никто не смел ни слова ответить»⁶⁹.

Чтобы побудить поляков согласиться на английские предложения, Гейлс усиленно распространял в Варшаве слухи, что крупнейшие европейские государства готовы присоединиться к организованной Тройственным союзом коалиции против России. Испания, уверял Гейлс, уже заключила с Англией секретный договор и поддержит в Петербурге требования союзников; Дания также сделала соответствующие предложения; Швеция примет участие в войне на стороне союзных держав⁷⁰. Гейлсу удалось произвести в Варшаве известное впечатление. «Здесь много о сем шумят и надеются уже успеха, т. е. что Россия принуждена будет помириться с турками», — писал Булгаков Остерману 16 (27) января⁷¹. Помогал Гейлсу вернувшийся в это время из Лондона Огинский, поспешивший довести до общего сведения содержание своих «тайных» переговоров с Питтом. По словам Огинского, Питт заявил ему, что «Англия не может вступить ни в какую политическую связь с Польшей прежде, нежели она уступит Гданск», и угрожал, что в случае отказа уступить Гданск Польша всё равно его потеряет «и не воспользуется теми выгодами, которые ей нынче предлагаются»⁷².

Несмотря на энергичный нажим Гейлса, польские политические круги продолжали колебаться. Польско-прусский союз, который был заключён всего лишь год назад, не выдержал даже и этого короткого испытания. Притязания Пруссии на Гданск и Торунь вызвали недоверие и тревогу. Было слишком очевидно, что уступка польских городов открыла бы лишь новые пути для прусской агрессии. По мере того как выявлялись хищнические планы пруссаков, в Варшаве нарастало озлобление против Пруссии. Распространившиеся в начале марта 1791 г. слухи о ведущихся будто бы в Вене переговорах Австрии и Пруссии о новом разделе Польши вызвали настоящую панику и заставили Фридриха-Вильгельма II опровергнуть их в специальной ноте, зачитанной на сейме 28 марта по новому стилю.

⁶⁶ ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*. 1791, д. № 1292, л. 15—16, 22

⁶⁷ Булгаков—Остерману 5 (16) февраля; там же, л. 9 об. — 10.

⁶⁸ ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*. 1791, д. № 1292, л. 21.

⁶⁹ Там же, л. 62; Донесение Булгакова 22 февраля (5 марта).

⁷⁰ ЦГАДА. Сношения с Австрией. IV. *Communications Réception*. 1791, д. № 1095, л. 36—37; Каше — Л. Кобенцлю, 27 января (по новому стилю).

⁷¹ ЦГАДА. III. Варшава. *Dépêches Réception*. 1791, д. № 1291, л. 123 об.

⁷² Там же. 1791, д. № 1293, л. 13—14; Булгаков — Остерману 1 (12) марта.

В столь накалённой атмосфере попытки Англии добиться компромиссного разрешения польско-прусских противоречий не могли иметь успеха.

Влияние и популярность Гейлса в Варшаве пошатнулись. «Новый возмутитель, английский посланник Гейлс, почти с ног сбит... Даже надёжнейшие приятели его бросили. Он теперь беснуется и не знает, что делать», — сообщал Булгаков императрице 1 (12) марта⁷³. Большое впечатление в польских политических кругах произвела также и выпущенная Булгаковым анонимная брошюра, в которой критиковались доводы, выставленные Гейлсом в пользу уступки Гданска.

В конце концов Комиссия так и не смогла придти к какому-либо определённому решению — Гейлеу был дан ответ, что «закон (5 сентября 1790 г. — А. С.) и другие обстоятельства не позволяют взять за основание переговоры уступку Гданска», было бы желательно, чтобы он нашёл другую базу для переговоров⁷⁴. Тщетно Гейлс возражал против этого. Вопрос об английских союзных предложениях был перенесён на обсуждение в сейм. Развернувшаяся на закрытых заседаниях сейма 31 марта и 1 апреля (нового стиля) борьба между сторонниками и противниками уступки Гданска Пруссии носила очень острый характер. «Крик, шум и сумятица из пределов выходит, — доносил Булгаков Остерману 2 апреля (нового стиля), — настала опасность, чтобы не дошло до кровопролития и до разорвания Сейма»⁷⁵. Однако и сейм принял половинчатое решение: Комиссии рекомендовано было продолжать переговоры с Гейлсом, указав ему, что сейм не пришёл ещё ни к какому заключению относительно английских предложений о Гданске.

Переговоры Гейлса с Комиссией продолжались ещё некоторое время. Фактически, однако, решение сейма означало полный провал попыток Англии втянуть Польшу в коалицию для войны с Россией и создать вместе с тем предпосылки для дальнейшего развития англо-польской торговли. С апреля 1791 г. польский вопрос снова отодвигается на задний план внешней политики Англии.

Весьма существенную роль в случае войны с Россией должна была играть позиция Дании. Без согласия её на проход через Зунд английский флот не мог получить необходимую ему свободу действия в Балтийском море. Мы уже видели, какие сильные средства были пущены в ход британской и прусской дипломатией в 1788 г., чтобы воспрепятствовать Дании оказать действительную поддержку России, к которой её обзывал союзный договор. 15 мая 1789 г. истекал срок датско-шведского перемирия, заключённого в октябре 1788 года. Англия и Пруссия, не удовлетворившись достигнутыми успехами, добивались теперь присоединения Дании к Тройственному союзу. Соответствующие предложения Эллиот сделал Бернсторфу уже осенью 1788 г.; Кармартен настаивал на этом в инструкции Эллиоту 5 декабря (нового стиля) 1788 года⁷⁶. Верный своей обычной уклончивой тактике, Бернсторф дал отрицательный ответ. Русской дипломатии приходилось, однако, всё время считаться с этой новой опасностью и держаться поэтому в сношениях с Данией возможно осторожнее, не требуя от неё слишком многого. 26 ноября (7 декабря) Остерман в инструкции Криденеру предписал ему выяснить, какова будет позиция Дании после окончания датско-шведского перемирия, в частности, будут ли датские вспомогательные суда действовать

⁷³ ЦГАДА. III. Варшава. Rapports en Cour, 1791, д. № 1290, л. 4 об.

⁷⁴ Там же. Dépêches Réception, 1791, д. № 1293, л. 65, 71; Булгаков — Остерману 5 (16) и 8 (19) марта.

⁷⁵ Там же, л. 49.

⁷⁶ См. сообщения датского посланника в Петербурге Сан-Сафорена Остерману на конференции 6 (17) декабря 1788 года; ЦГАДА. Общие конференциальные записки, 1788, л. 555; инструкция Кармартена у Rose H. Указ. соч., стр. 501.

совместно с русскими морскими силами, если английский военный флот появится в Балтийском море⁷⁷.

Тройственный союз самым энергичным образом выступил против нового вступления Дании в русско-шведскую войну. 23 апреля (нового стиля) 1789 г. Эллиот писал Бернсторфу, что если датское правительство в какой бы то ни было форме окажет помощь России на суше или на море, то союзники будут считать Данию воюющей державой. Дания, настаивал Эллиот, должна сохранить полный и строгий нейтралитет⁷⁸. 6 мая (нового стиля) представители Тройственного союза в Копенгагене подали ноту с категорическим требованием, чтобы Дания формально заявила о сохранении ею нейтралитета, что Бернсторф и исполнил в ноте от 9 июля нового стиля⁷⁹.

С осени 1790 г. союзные державы с нарастающей активностью стали добиваться расторжения формально остававшегося в силе русско-датского союза. Целью переговоров на этот раз было не только установление нейтралитета Дании, как это имело место в 1788 и 1789 годах: теперь Англия требовала уже согласия Дании на проход английского флота через Зунд и разрешения на стоянку английского флота в датских портах.

В течение двух лет Россия стремилась добиться от уклонявшейся Дании гарантии того, что при попытке Англии послать свой флот в Балтийское море для действий против России Дания закроет англичанам проход через Зунд. Потерпев в этом неудачу, Екатерина II выдвинула новый проект, предложив образовать для борьбы с Тройственным союзом Северную лигу, в которую вошли бы Россия, Дания и Швеция.

Этой, несколько неожиданной дипломатической комбинации Екатерина II, как показывают её заметки, придавала большое значение. «Ежели бы датчане заподлинно вооружились и на сие положиться можно было, тогда бы предложить им и шведам соединить флоты их с нашим, стать и закрыть вход в Балтику», — писала императрица в конце 1790 г. или в самом начале 1791 года. «Я думаю, чтоб теперь же начать переговоры с датским двором и шведскому королю дать совет с ними же трактовать о недопущении кораблей союзных и других держав через Зунд и Белт». Характерно, однако, что, раздражённая «малодушными поступками датского двора», Екатерина готова была в этот момент принять сторону недавнего противника — Швеции — против традиционного союзника — Дании. «Ежели бы, паче чаяния, датчане не пристали к Северной системе, — писала она, — то им объявить, что за нейтральный почтенны не будут. Через что королю шведскому развязаны были бы руки»⁸⁰.

Но, как и следовало ожидать, Дания отказалась объединиться со своим злейшим врагом Швецией ради защиты интересов России. В начале февраля 1791 г. Бернсторф заявил Криденеру, что Дания не сможет присоединиться к Северной лиге: во-первых, из-за опасений, внушаемых резко отрицательным отношением к этому Англии, — Дрейк напрямик заявил датскому министру, что Англия этого ни в коем случае не допустит, — а, во-вторых, из-за недоверия к изменчивому и непостоянному Густаву III⁸¹.

Криденер не смог добиться от Бернсторфа обязательств в случае войны действовать на стороне России; датский министр отказался также и начать вооружение флота с тем, чтобы продемонстрировать Тройствен-

⁷⁷ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1788, д. № 453, л. 76—77.

⁷⁸ Там же, 1789, д. № 448, л. 57—59; д. № 449, л. 33.

⁷⁹ Там же, 1789, д. № 450, л. 64—67.

⁸⁰ ЦГАДА. Государственный архив Х. Т. 75, л. № 44, д. № 83, л. 5. Заметки Екатерины II. Дата и адресат не указаны.

⁸¹ ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1791, д. № 470, л. 59—68. Криденер — Остерману 21 февраля.

ному союзу прочность русско-датской дружбы⁸². Криденеру всё же удалось достигнуть некоторых результатов — под его влиянием Бернсторф заявил представителям Австрии, Испании и Польши в Копенгагене, что Дания намерена дать отрицательный ответ на требования Англии и Пруссии⁸³. Но не добились своей цели и дипломаты Тройственного союза. Ни Дрейку, ни прусскому посланнику барону Арниму не удалось получить от Бернсторфа определённого ответа. Как сообщал Криденер, принц Гессенский на обращённое к нему личное требование Фридриха-Вильгельма II разрешить английскому флоту проход через Зунд и стоянку в датских портах ответил, что первому Дания не в состоянии помешать, против второго же решительно возражает, так как это было бы мерой, направленной против России.

В целом при оценке позиции Дании нельзя согласиться с утверждением Г. Роза и Ф. Саломона, считающих, что Дания дала союзникам требовавшиеся ими гарантии нейтралитета. Несомненно, как подчёркивали это и сами датчане, Дания не смогла бы, да и не пыталась бы даже сопротивляться соединённым силам Англии и Пруссии. Но Бернсторф сумел отразить все атаки англичан и не дал им никаких формальных обязательств. Союзным державам было ясно, что большего, чем вынужденный нейтралитет, они от Дании ожидать не могут и что английский флот не может рассчитывать на поддержку датского правительства. Ясно было также и то, что, сохраняя в силе союзный договор с Россией, Дания при неблагоприятном для англичан ходе военных действий в Балтике могла в любой момент отказаться от навязанного ей нейтралитета.

Закончившаяся в августе 1790 г. война с Швецией открыла новую страницу в истории русско-шведских отношений. Заключённый на основе серьёзных взаимных уступок, Верельский мир явился отправным пунктом для развернувшихся с осени 1790 г. переговоров о заключении оборонительного союзного договора. Шведская война показала Екатерине II, насколько уязвимы были северные границы империи и как велика была опасность, грозившая Петербургу при неблагоприятном ходе военных действий. Исходным пунктом северной политики России становилась теперь забота о безопасности столицы. Потёмкин писал императрице весной 1791 г., убеждая её пойти на уступки Швеции: «...этот противник имеет для нас величайшее значение ввиду близости столицы»⁸⁴.

В условиях нараставшего конфликта с Тройственным союзом сближение с Швецией стало для России необходимым. Уже в Вереле Екатерина II пошла навстречу шведскому королю, пообещав ему деньги на его личные расходы и некоторые территориальные уступки, правда, незначительные. В не меньшей степени нуждался в союзе с Россией и Густав III, потерявший надежду на союзников и лихорадочно искавший выхода из острого финансового кризиса.

С октября 1790 г. в Стокгольме начались переговоры, которые с русской стороны вёл чрезвычайный посланник генерал-майор Пален. Инициатива открытия союзных переговоров принадлежала Густаву III, нетерпеливо стремившемуся поскорее договориться с Россией и получить от неё субсидии. Уже при первой аудиенции он выражал Палену сожаление, что «общие неприятели преуспели обе державы между собою поссорить»⁸⁵.

⁸² ЦГАДА. III. Копенгаген. *Dépêches Réception*, 1791, д. № 472, л. 15—20. Криденер — Остерману 5(16) марта, л. 61—62. Криденер — Остерману 25 марта (5 апреля).

⁸³ Там же, д. № 470, л. 36; Криденер — Остерману 18 (29) января, д. № 471, л. 37—38, Криденер — Остерману 8 (19) апреля.

⁸⁴ ЦВИА. Бумаги канцелярии кн. Потёмкина, 1791, д. № 22, л. 72, без даты; см. также его письма Безбородко после Верельского мира о необходимости заключить союз с Швецией; там же, д. № 37, л. 207, 211.

⁸⁵ ЦГАДА. III. Стокгольм. Чрезвычайная миссия *Rapports en Cour*, 1790, л. 2. Реляция Палена Екатерине II, 22 октября (2 ноября).

В развернувшихся вслед за этим переговорах Россия и Швеция преследовали прямо противоположные цели. Наиболее заинтересованной стороной в заключении союзного договора со Швецией была Екатерина II, которой враждебная позиция Швеции в случае войны — а при неудаче попытки сближения с Россией Густав III, несомненно, снова переместился бы на сторону Тройственного союза — грозила большой опасностью. В более благоприятном положении находился Густав III, знавший, что он всегда найдёт себе покупателя, и беспокоившийся главным образом, как бы ему не продешевить. Но Екатерина II, заманивая Густава III обещаниями и посулами, не уступая ему в то же время ни в одном серьёзном пункте, с редким хладнокровием сумела переждать самый острый момент кризиса, выиграть время и, в конце концов, на выгодных условиях заключить необходимый ей договор.

С самого начала тактика Екатерины II, рассчитанная на выигрыш времени, определила характер русско-шведских переговоров: в то время как, подгоняемый денежными затруднениями, Густав III выдвигал один за другим различные проекты союзного договора и умолял Палена скорее добиться от Петербурга определённого решения, Екатерина упорно затягивала ответ на шведские предложения. Правда, тактика эта была обоюдоострой: одновременно с Россией Густав III вёл переговоры также и с Тройственным союзом, и не раз казалось, что англо-прусская дипломатия возьмёт верх. Но каждый раз Екатерина удачно угадывала момент, когда нужно было новыми обещаниями и уступками склонить на свою сторону заколебавшегося короля.

Только в начале февраля в Стокгольме был получен ответ России на сделанные шведами в октябре предложения. Воспользовавшись долгой паузой, дипломаты Тройственного союза возобновили свои атаки на Швецию, то предлагая ей крупные субсидии за возобновление войны с Россией, то запугивая короля намерением Англии и Пруссии сблизиться с Данией⁸⁶. Для успешных действий английской эскадры в Балтийском море содействие Швеции было абсолютно необходимо. Без шведского галерного флота было невозможно вести операции в шхерах; очень серьёзной поддержкой для союзников была бы и диверсия шведской армии в Финляндии. Понятно поэтому, что в Стокгольме английские дипломаты действовали особенно энергично. В конце октября Борк и Листон подали Густаву III меморандум, в котором, убеждая его присоединиться к Тройственному союзу, писали, что лишь Англия и Пруссия могут помочь Швеции вернуть территории, утерянные по Ништадтскому миру. Но на это они получили очень резкий ответ от Армфельдта, упрекавшего Англию и Пруссию в том, что в критический момент они не оказали Швеции помощи и сами сделали неизбежным заключение Верельского мира. «Разве за 17 000 (ригсдалеров.— А. С.) возможно проделать три кампании ради людей, которые вместо того, чтобы сражаться, как этого от них ожидали, лишь били шпагами по воде?» — писал Армфельдт⁸⁷. Не имела успеха также и сделанная в ноябре попытка англичан неофициальным путём получить разрешение Швеции на предоставление Англии шведских портов. На предложение английского правительства, сделанное через жену прусского посланника в Стокгольме графиню Борк, платить Швеции 150 тыс. фунтов стерлингов ежегодной субсидии за превращение Ловизы в свободный порт, Густав III ответил отказом⁸⁸. В конце ноября 1790 г. сам Борк ещё раз попытался добиться своей цели, подав Густаву III проект союзного договора Швеции с Англией и Пруссией, по которому Англия и Пруссия 1) гарантируют

⁸⁶ ЦГАДА. Чрезвычайная миссия. III. Стокгольм. Dépêches Réception, 1790, октябрь, л. 7—10, ноябрь—декабрь, л. 7—10, 42—49; Пален — Остерману 22 октября (2 ноября). 3 (14) ноября.

⁸⁷ Там же, ноябрь — декабрь, л. 52—53. Пален — Остерману 3 (14) ноября.

⁸⁸ Там же, депеша Палена 15 (26) ноября, л. 63—64.

целостность владений Швеции, 2) выплату Турцией причитающихся Швеции субсидий, 3) дадут ассигнования для вооружения и субсидии в случае, если Швеция примет участие в войне, 4) обещают территориальное вознаграждение, пропорциональное военным успехам Швеции⁸⁹. Но Густав III заверил Палена, что, несмотря на все интриги союзных держав, он попрежнему находит союз с Россией необходимым для Швеции⁹⁰. Листону король заявил, что он не может дать ему определённого ответа до тех пор, пока не будет решён вопрос о союзе с Россией⁹¹.

Инструкцией 18 (29) января Безбородко сообщил в Стокгольм, что Россия согласна заключить с Швецией союзный договор и готова платить ей субсидии, если Густав III примет участие в войне на стороне России⁹².

Согласие России заключить союзный договор ослабило позиции союзников. Большую роль сыграло известие о падении Измаила, производившее сильное впечатление в дипломатических кругах Стокгольма и особенно поразившее Листона и Борка, которые, как писал Пален Остерману 10 (21) января, «не могли даже на лице своём скрыть огорчения, ими чувствуемого»⁹³.

Получив принципиальное согласие России начать переговоры, Густав III через Армфельдта сообщил Палену шведские условия будущего субсидного договора, сводившиеся в основном к требованию о демаркации границ (под этим подразумевалось, что Россия должна уступить Швеции Нейшлот и Гекфорс в обмен на Пумала-Зунд). Палену король заявил, что он готов даже отказаться от обещанных при переговорах в Вереле ему лично денег, но настаивает на исполнении данных Игельстромом обещаний относительно обмена территориями⁹⁴. Однако, несмотря на это несколько неожиданное бескорыстие, Армфельдт передал Палену пожелание Густава III, чтобы Екатерина II ассигновала «некоторую сумму лично королю под видом экипажа»⁹⁵.

Листон, получивший инструкцию Лидса от 8 января, усилил нажим на Швецию. 24 января (4 февраля) Пален писал Остерману, что английское правительство за большие субсидии снова предлагает Швеции принять участие в войне против России или хотя бы предоставить в распоряжение Англии один или два шведских порта⁹⁶. Задачу союзников облегчала существовавшая в Стокгольме сильная и влиятельная проанглийская партия, о которой Пален сообщал Остерману 14 (25) февраля, что она «ежедневно возрастает и даже откровенно трудится в пользу лондонского кабинета»⁹⁷. Когда в конце февраля вопрос о союзе с Россией обсуждался на заседании шведского королевского совета, все члены его, за исключением Армфельдта и министра финансов Окансена, высказались против сближения с Россией. Английской ориентации держалась и придворная партия, интриговавшая против сторонника союза с Россией — фаворита короля Армфельдта⁹⁸. Пришедший в отчаяние Пален писал 6 (17) апреля Остерману: «Все здешние министры подкуплены английскими и прусскими дворами и в чрезвычайном движении»⁹⁹. На заседании 7 (18) апреля все члены королевского совета высказались за союз с Англией. Виднейшие шведские сановники (Мунк, Левенгаупт) вели

⁸⁹ ЦГАДА. Чрезвычайная миссия. III. Стокгольм. *Dépêches Réception*, 1790, л. 71—72; депеша Палена 22 ноября (3 декабря).

⁹⁰ Там же, л. 13; депеша Палена 25 ноября (5 декабря).

⁹¹ Там же, 1791, февраль, л. 12. Пален — Остерману 5 (16) февраля.

⁹² ЦГАДА. II. Доклады. 1791, л. 10—11.

⁹³ ЦГАДА. III. Стокгольм. *Dépêches Réception*, 1791, январь, л. 12 об.

⁹⁴ Там же. Пален — Остерману.

⁹⁵ Там же, февраль. Пален — Остерману.

⁹⁶ Там же, январь, л. 20—24.

⁹⁷ Там же. 1791, февраль, л. 28.

⁹⁸ Там же, лл. 29—33; март—апрель, лл. 3—4. Пален — Остерману.

⁹⁹ Там же, 1791, март — апрель, л. 28—29.

в народе агитацию за новую войну с Россией¹⁰⁰; им помогали английские агенты, пугавшие шведских купцов упадком, грозившим торговле, если начнётся война с Англией.

К середине апреля, т. е. в самый острый момент общеевропейского кризиса, в Стокгольме создалось угрожающее положение; Густав III, не скрывавший своих переговоров с Англией, с полной откровенностью заявил русскому посланнику: «Вы видите, г. Пален, мой вооружения. Я не скрываю от Вас, что оные употреблены будут в одну или другую сторону» — и пригрозил, что так как данные ему в Вереле обещания не выполнены, то он в праве считать Верельский договор аннулированным. Впоследствии, когда кризис уже миновал, Густав III ещё раз подтвердил Палену: «Тогдашнее его положение столь сомнительно было, что если бы английский флот прибыл в Балтийское море, то, конечно, против воли принуждён был бы он вступить в виды союзных противных дворов»¹⁰¹.

Нет основания сомневаться в искренности этих заявлений шведского короля: несомненно, что в случае успеха англо-прусской лиги Швеция поспешила бы принять её сторону. Следует заметить, однако, что эти угрозы Густава III в известной степени имели целью, как писал С. Р. Воронцов, «продать себя дорожке»¹⁰².

На самом же деле Англия и Пруссия не были отнюдь так щедры, как старался показать Густав III. Между Швецией и союзными державами развернулись ожесточённые споры об условиях договора, и обе стороны так и не смогли придти к соглашению¹⁰³.

Екатерина II знала о затруднениях, с которыми Густав III встретился при переговорах с союзниками, и не спешила с заключением союза. Идти на серьёзные уступки Густаву III она считала излишним, так как была уверена, что все его угрозы — просто блеф. «Проекта англичан на Ловизу надлежит не допускать, но, кажется, он у шведов не сбыточен, а сим грозит он нам. Впрочем, с кого бы ни взял денег, лишь бы жил с нами мирно. (к.) Нам быть может равнодушен; у врагов возьмёт—у них убудет», — писала она¹⁰⁴.

Но Густав III не желал давать Англии окончательный ответ до тех пор, пока не будет выяснен вопрос о союзе с Россией, надеясь, что императрица согласится на выдвинутый им проект обмена территориями. Пален писал, что одно только дело разграничения несколько обуздывало короля¹⁰⁵.

Густав III и сам не был сторонником союза с Англией. Кроме озлобления, вызванного в нём двуличной тактикой англичан в последнюю войну, здесь имела значение и боязнь поставить шведскую политику в зависимость от Англии. Когда ещё в январе Пален намекнул ему, что появление английского флота в Балтике не в интересах самой Швеции, Густав III ответил: «Правда, я никакого удовольствия не нахожу, чтобы сии властелины мнимые морей водворились и в нашем»¹⁰⁶. Сильное неудовольствие короля вызвало и неуместное предложение Листона об английских гарантиях новой шведской конституции, на которое он с не-

¹⁰⁰ ЦГАДА. III. Стокгольм. *Dépêches Réception*, 1791, март — апрель, л. 34—37, депеша Палена 8 (19) апреля, л. 20—20 об. Пален — Остерману 2 (13) апреля; Мемуар Палена, л. 24 и об.

¹⁰¹ ЦГАДА. Чрезвычайная миссия. III. Стокгольм. *Dépêches Réception*, март — апрель, л. 39—41 об. Пален — Остерману 14 (25) апреля; *Rapports en Cour*. 1791. Пален — Екатерине II 2 (13) мая.

¹⁰² ЦГАДА. III. Лондон. *Dépêches Réception*, 1791, д. № 421, л. 78—80, Воронцов — Остерману, 4 (15) марта.

¹⁰³ См. об этом *Salomon F.* Указ. соч., стр. 516; *Rose H.* Указ. соч., стр. 600, 609; *Ward.* Указ. соч., стр. 203.

¹⁰⁴ Инструкция Екатерины II Остерману или Безбородко, без даты. Сб. РИО. Т. XV, стр. 611.

¹⁰⁵ *Dépêches Réception*, март — апрель. От Палена 6 (17) марта, л. 3—4.

¹⁰⁶ Там же, 1791, январь, л. 20—24. Пален — Остерману 24 января (4 февраля).

годованием ответил, что «не имеет никакой надобности в иностранных подпорах»¹⁰⁷.

Палену удалось склонить короля к решению подождать ещё некоторое время до прибытия ответа из Петербурга¹⁰⁸.

17 (28) апреля в рескрипте назначенному русским послом в Стокгольме Штакельбергу Екатерина II согласилась дать Швеции субсидии и аванс на вооружение армии, но вместе с тем категорически отказалась удовлетворить требования Швеции об обмене территориями: в этом вопросе Россия не может пойти ни на какие уступки и настаивает на выполнении условий Верельского договора, предусматривавших сохранение полного status quo¹⁰⁹, писала императрица.

В дальнейшем возрастающая опасность войны с Англией и Пруссией заставила Екатерину заколебаться. 19 (30) мая 1791 г., обсуждая проект союза с Швецией, Совет при высочайшем дворе нашёл, что «в настоящее время, когда столь нужно отвратить войну с королём шведским, весьма можно согласиться на обмен Нейшлота на Пумала, с частью земли от стороны Карелии». Совет рекомендовал Екатерине II включить пункт об обмене земель в секретную конвенцию с Швецией, с тем чтобы в ней, в свою очередь, было оговорено, что Густав III «не дозволит флоту английскому входить в его порты, натурою и искусством укреплённые... Что же касается до требования короля шведского о подобном промене на устье Кимени, Совет почитает оное вовсе неместным и ни с какою заменою отнюдь не сходным». Если переговоры с Швецией и не увенчаются успехом, решил Совет, то «по крайней мере... мы выиграем время, приведя соседа нашего в невозможность деятельное принять на сей раз участие в пользу дворов Лондонского и Берлинского»¹¹⁰.

Вскоре изменившиеся обстоятельства показали Екатерине II, что нет надобности спешить с заключением русско-шведского договора и что можно обойтись без указанных Советом территориальных обменов. Действительно, в дальнейшем Екатерине II удалось заключить договор с Швецией, заострённый теперь уже против революционной Франции, без каких-либо уступок со своей стороны.

Полная неудача постигла переговоры Англии и с бывшей до сих пор её покорным сателлитом Голландией. Между Россией и Голландией не было в это время сколько-нибудь серьёзных противоречий, напротив, тесные финансовые связи Голландии и России обусловили заинтересованность голландского правительства в сохранении мира с Россией. По сообщению русского посланника в Голландии Колычева, особенно горячо против войны выступило амстердамское купечество¹¹¹. В начале февраля 1791 г. штатгальтер Вильгельм V заверил Колычева, что Голландия не намерена принять участие в войне¹¹². Посланникам Голландии в Лондоне и Берлине предписано было «отводить Англию и Пруссию от войны»¹¹³.

Каковы же были результаты дипломатической кампании, столь энергично проводившейся Англией и Пруссией в важнейших европейских столицах?

Россия, на первый взгляд, не добилась решающего успеха. Союзные договоры с Данией и Австрией, юридически сохранявшие полную силу,

¹⁰⁷ Мемуар Палена, л. 24.

¹⁰⁸ Dépêches Réception, март — апрель, л. 34—37, от Палена 8 (19) апреля.

¹⁰⁹ ЦГАДА. Чрезвычайная миссия. III. Стокгольм. Négotiations pour le traité, 1791, л. 41—51; см. также рескрипт Палену 24 апреля (4 мая). III. Стокгольм. Рескрипты отправления. Пален. 1791.

¹¹⁰ Архив Государственного совета. Т. I. Ч. 1-я, стр. 854—858.

¹¹¹ Колычев — Остерману 23 марта (3 апреля). ЦГАДА. III. Гага. Dépêches Réception, 1791, д. № 342, л. 109, 119.

¹¹² Колычев — Остерману 18 февраля; там же, л. 47—48.

¹¹³ Колычев — Остерману 21 и 23 марта (1 и 3 апреля); там же, л. 107 об., 109.

на практике имели лишь ограниченное значение: было совершенно ясно, что на реальную помощь их надеяться невозможно.

Но не достиг своей цели и Тройственный союз. Утверждения Ф. Саломона и Г. Роза, считавших, что «в целом ситуация благоприятствовала союзникам»¹¹⁴, ошибочны. Как мы видели, Тройственный союз одержал победу лишь в Константинополе, где прусская дипломатия действительно сумела помешать заключению мира и затянуть войну. Остальные европейские державы не поддались на провокации союзников. Все попытки Англии и Пруссии в Вене, Стокгольме и Копенгагене добиться согласия присоединиться к войне против России или хотя бы получить формальные гарантии нейтралитета оказались безрезультатными. Полную неудачу потерпел и «польский план» Питта. Даже формально входившая в Тройственный союз Голландия отказала в содействии своим партнерам.

Попытки образовать коалицию против России закончились крахом.

Русская дипломатия показала в схватке с Тройственным союзом большое тактическое мастерство. С редкой настойчивостью Екатерина II пользовалась каждой предоставлявшейся ей возможностью, снова и снова убеждала своих колебавшихся союзников — Данию и Австрию, — что их собственные интересы требуют энергичного отпора «англо-прусской лиге», подкрепляя свои аргументы щедрыми обещаниями денежной и военной помощи, искусно маневрируя, без каких-либо серьёзных уступок со своей стороны не допустила присоединения Швеции к Тройственному союзу и в результате дезориентировала Англию и Пруссию, которые были вынуждены приступить к решительным действиям в сложной и запутанной международной обстановке.

Огромное значение в провале попыток организовать коалицию против России имели блестящие победы русского оружия, показавшие всей Европе непобедимость русской армии и удержавшие в критический момент колебавшиеся страны от присоединения к Тройственному союзу.

Дальнейший ход событий привёл и к дипломатической победе России. В марте 1791 г. между Лондоном и Берлином было достигнуто соглашение о совместном ультиматуме России и открытии военных действий, если Екатерина II откажется удовлетворить требования союзников. Питт обратился в парламент с просьбой о кредитах для войны с Россией. Началось вооружение английского военного флота. Однако агрессивная политика Питта встретила бурный протест со стороны средних слоёв английской торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в России как в источнике сырья и рынке сбыта. Отражавшая эти настроения вигская оппозиция выступила в парламенте с решительным осуждением воинственных планов Питта. Ряд влиятельных сторонников правительственной партии также был настроен против войны; в самом кабинете Питта начались разногласия. Испуганный угрозой серьёзного внутреннего кризиса, Питт был вынужден отступить и отказаться от войны. Турция была покинута на произвол судьбы изменившими ей союзниками, отказавшимися от попыток заставить Россию вернуть Очаков и принять посредничество держав. По Ясскому миру, Турция уступила Очаков России. Капитуляция Питта и благоприятный для России исход международного кризиса 1788—1791 гг. привели к краху Тройственного союза, вскоре прекратившего своё существование. Питт был вынужден отказаться от планов установления английской гегемонии в Европе и изгнания России.

¹¹⁴ Salomon F. Указ. соч., стр. 511—512; Rose H. Указ. соч., стр. 600.